

Е. А. Крестьянников

**УЧАСТИЕ ЖЕНЩИНЫ-АДВОКАТА Е. А. ФЛЕЙШИЦ В СУДЕБНОМ
ЗАСЕДАНИИ 6 НОЯБРЯ 1909 г. И ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-72-80

УДК 94(47)“1909” ББК 63.3(2)53

В начале XX в. для российских женщин открывали двери отечественные университеты. Становилось доступным и высшее юридическое образование, получение которого в соответствии с нормами Судебных уставов 1864 г. давало возможность заниматься адвокатской деятельностью. Однако первые россиянки, попробовавшие в установленном порядке вступить в ряды поверенных, встретили непреодолимые препятствия со стороны властей, опасавшихся, что освоение лицами женского пола профессии адвоката приведет к усилению их роли в социально-политической жизни. Е. А. Флейшиц стала первой в России женщиной-юристом, которая на представлявшихся законными основаниях пришла в суд защищать подсудимых и была в этом поддержана судьями — но не прокурором, устроившим скандал и сорвавшим заседание. Статья посвящена обстоятельствам данного случая и последовавшему общественно-политическому обострению. Столичные и провинциальные периодические издания самых разных направлений преподносили новость о несостоявшемся судебном процессе как сенсационную. Участие женщины-адвоката в заседании Санкт-Петербургского окружного суда 6 ноября 1909 г., а также возникший между ней и прокурором конфликт подлежали внимательному разбору в прессе, вызывая сильнейший общественный резонанс. Сенат, вынужденный срочно вникнуть в сложившуюся ситуацию, запретил россиянкам осуществлять защиту по уголовным делам, но депутаты Государственной думы дали вопросу законодательное направление, и, несмотря на сопротивление правительства, под давлением общественного мнения законопроект о женской адвокатуре в 1912–1913 гг. был рассмотрен в парламенте.

Ключевые слова: *женская адвокатура, Е. А. Флейшиц, судебный процесс, пресса, общественное мнение, правительство, законодательство, поздняя Российская империя*

Судебные уставы от 20 ноября 1864 г. писали адвокатам — присяжным поверенным и их помощникам — иметь высшее юридическое образование, не предусматривая прямого запрета или разрешения женщинам на общих основаниях с мужчинами профессионально заниматься адвокатской деятельностью. Россиянки были допущены к обучению в отечественных университетах только в начале XX в., но и до этого стремились попасть в адвокатуру, при определенных условиях даже участвуя в судебных процессах поверенными. До случая, которому посвящена настоящая статья, это происходило вне имперской столицы, не вызывая широкого общественного резонанса, и при желании чиновников легко пресекалось.¹ 6 ноября 1909 г. стартовала новая фаза в раз-

витии вопроса о женской адвокатуре: относительно ее разрешения в России публично сформулированная в судебном заседании позиция становилась существенным обстоятельством социально-политического развития. В событиях момента слились, используя дискурс Ю. Хабермаса, «публика», «гласность» и «публикование», а получившийся от такого соединения эффект «возмущенной или информированной общественности»² заставил власти разбираться с фактом прихода в храм правосудия адвоката женского пола вплоть до рассмотрения законопроекта о разрешении россиянкам работать поверенными. Это стало результатом запуска механизмов публичной сферы — взаимоотношения социума и индивидов с властными институтами посредством формирования через сеть субъектов и информационных каналов аргументированного и сильного общественного мнения.

6 ноября 1909 г. частная проблема начинала трансформироваться в публичную. В XI уголовном отделении Санкт-Петербургского окружного суда с участием присяжных заседателей слушалось заурядное на первый взгляд дело

¹ О подобных случаях см.: Krest'iannikov E. A. Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // *Cahiers du Monde russe*. 2023. Vol. 64, no. 3–4. P. 619–644.

Крестьянников Евгений Адольфович — д.и.н., в.н.с., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: krest_e_a@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

² Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 50.

о краже бильярдных шаров.³ Небольшой зал учреждения юстиции заполнился до отказа зрителями, в том числе репортерами многих периодических изданий, ведь в качестве защитника подсудимых вместе с присяжными поверенными М. К. Адамовым, Э. А. Дубоссарским и В. А. Драцем предстала женщина — Екатерина Абрамовна Флейшиц.⁴ Блестяще подготовленная, с золотой медалью гимназии, дипломом кандидата прав Парижского университета, успешно аттестовавшаяся по правоведению еще и в Санкт-Петербургском университете (в отечественную адвокатуру принимались только лица, окончившие российские университеты),⁵ она стремилась работать адвокатом, и все ее предыдущие шаги говорили об этом.

По уставам 1864 г. присвоением адвокатского звания занимались советы присяжных поверенных — органы самоуправления адвокатуры, а по установившейся в столице традиции данной процедуре предшествовал еще специальный отбор. 4 июня 1909 г. комиссия помощников присяжных поверенных приняла от Е. А. Флейшиц прошение⁶ и 22 июня составила мотивированное заключение о приеме женщины в адвокаты, а 20 октября того же года петербургский совет зачислил ее в ряды помощников присяжных поверенных.⁷ Последовавшее за этим появление россиянки в суде произошло настолько стремительно, что, вероятно, власти попросту не успели установить этому барьер, как было в московском случае 1908 г.: в Москве зачисленные советом 21 мая, 19 июня и 3 сентября в помощники присяжных поверенных Я. С. Подгурская, М. М. Гиршман

и Л. А. Бубнова⁸ не сумели воспользоваться полученным правом на адвокатскую практику, которого были лишены Московской судебной палатой 20 октября.⁹

Ажиотаж вокруг Е. А. Флейшиц в немалой мере был спровоцирован как раз московскими событиями, получившими освещение в прессе. О приеме Я. С. Подгурской в адвокатуру и подаче М. М. Гиршман ходатайства сообщил один из флагманских феминистских журналов «Женский вестник», а популярная либеральная газета «Голос Москвы», назвав Я. С. Подгурскую первой женщиной-адвокатом, взяла у нее развернутое интервью.¹⁰ Разумеется, выбрав профессию юриста, россиянки не для того обучались правоведению в зарубежном и отечественном вузах, чтобы после запрета властей покорно отказаться от своих намерений. М. М. Гиршман и Л. А. Бубнова встали на путь борьбы и разными способами старались убедить общественность в том, что женщинам подходит адвокатский труд, а законодательство такой деятельности не препятствует.

В частности, 3 ноября 1908 г. М. М. Гиршман выступила перед московскими помощниками присяжных поверенных с докладом «О праве женщин быть адвокатами»,¹¹ а в декабре того же года россиянки приняли участие в работе Первого Всероссийского женского съезда: 11 числа Мария Маврикиевна обратилась к публике снова с темой о праве женщин на адвокатскую профессию; через четыре дня Л. А. Бубнова привлекла внимание слушателей докладом «Женщина-адвокат» (в опубликованных по итогам съезда трудах ее текст носил название «Влияние гражданского положения женщины на ее юридическую профессию»).¹² Через несколько лет именно Л. А. Бубнова встретилась с председателем Госсовета М. Г. Акимовым, чтобы склонить его на свою сторону, но услышала роковой для решения вопроса ответ: «Государыня императрица против женской адвокатуры, и я дал ей слово, что этот законопроект будет отклонен Государственным советом».¹³

³ В имеющейся незначительной историографии о женской адвокатуре в дореволюционной России заседание 6 ноября 1909 г. нашло поверхностное отражение. По-прежнему мало известно о ходе судебного процесса, его обстоятельствах и влиянии на общественно-политическую жизнь. Некоторые сведения см., напр.: Казанцев С. М. Русская адвокатура и женщины // Правоведение. 1985. № 6. С. 76; Ворошилова С. В. Становление женской адвокатуры в России // Новая правовая мысль. 2007. № 1. С. 56; Бродский И. Л. Дело о краже бильярдных шаров. К юбилею Е. А. Флейшиц // Адвокат. 2008. № 1. С. 69–72; Решетников Г. Л. К вопросу о «женской адвокатуре» в дореволюционной России // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 183–184.

⁴ См.: Бецкий К. Первое выступление женщины-адвоката в Петербурге // Речь. 1909. 7 нояб.; Энгел К. Первое выступление женщины-адвоката // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1909. 7 ноября; Суд // Россия. 1909. 7 нояб.

⁵ См.: Полянская Г. Н. Начало жизненного пути // Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2015. Т. 2. С. 5–34; Сестры Флейшиц // Утро России. 1909. 15 ноября; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 15. Д. 2157. Л. 2.

⁶ См.: Хроника // Вестник права и нотариата. 1909. № 23. С. 16.

⁷ См.: Отчет Комиссии помощников присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты за 1909 год. СПб., 1910. С. 4–9; Хроника // Право. 1909. 28 июня.

⁸ См.: Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 42. Л. 315об.–316, 368об.–369, 411об.–412.

⁹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 7–8.

¹⁰ См.: Хроника // Женский вестник. 1908. № 6. С. 162; Анфилова Л. Первая женщина-адвокат в России // Голос Москвы. 1908. 24 мая.

¹¹ Женщины-адвокаты // Женский вестник. 1909. № 1. С. 26, 27. ¹² Бюллетени Первого Всероссийского женского съезда. 1908. № 2. С. 8, 16; № 3. С. 4–5; № 6. С. 10; Труды I Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге 10–16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С. 427–434, 807–816.

¹³ См.: Хлыткичева С. М. Воспоминания юристки первого выпуска // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878–1918. Л., 1973. С. 268.

В 1908 г. московский совет присяжных поверенных стал местом юридической экспертизы права россиянок на адвокатскую деятельность. На заседании 22 апреля прозвучал мотивированный доклад авторитетного адвоката П. Н. Малянтовича (в 1917 г. последний министр юстиции Временного правительства) по поводу приема в помощники присяжного поверенного Я. С. Подгурской, на основании которого затем в адвокатуру зачислялись еще М. М. Гиршман и Л. А. Бубнова. «На основании изложенного совет, находя, что возбужденный вопрос о том, подлежат ли зачислению в сословие помощников присяжных поверенных лица женского пола, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, разрешается действующим законом в утвердительном смысле», — последовало благоприятное для женщин-юристов определение руководящего адвокатурой органа. Доклад был опубликован в отчете совета,¹⁴ и когда в Санкт-Петербурге комиссия помощников присяжных поверенных допускала Е. А. Флейшиц к адвокатской практике, она опиралась в данном решении именно на заключение П. Н. Малянтовича.¹⁵

Еще до этого в Москве вопрос женской адвокатуры был полон неопределенностей и грозил конфликтами. Запретительный указ Московской судебной палаты от 20 октября 1908 г. официальным порядком поступил в местный совет присяжных поверенных лишь 9 апреля 1909 г. Пока документ шел из палаты долгим бюрократическим маршрутом, нашлась москвичка, желавшая трудиться в адвокатуре. Выпускница Парижского и Московского университетов Н. Л. Щербакова со своим патроном присяжным поверенным Г. И. Аделем, обосновывая ходатайство о приеме в адвокаты докладом П. Н. Малянтовича, были убедительными, и 14 марта 1909 г. состоялось зачисление россиянки в помощники присяжного поверенного (судебная палата постановила аннулировать этот акт 30 сентября 1909 г.).¹⁶

Ситуация развивалась по сценарию обострения: 6 ноября 1909 г. разразился скандал.

Председательствовал Н. Н. Таганцев,¹⁷ членами суда были М. М. Захаров и Д. В. Коротков; председатель попросил обвинителя товарища прокурора Г. И. Ненарокова высказать мнение относительно присутствия женщины среди защитников подсудимых. Тот выступил с продолжительной речью, призванной доказать, что россиянкам не дозволено работать поверенными, но Е. А. Флейшиц привела контраргументы, а ее коллеги мужского пола призвали суд допустить россиянку к участию в заседании. После получасового совещания судьи постановили именно так и сделать, поскольку не обнаружили «в законе воспрещения женщинам выступать в качестве защитника по уголовным делам». Тогда прокурор взял портфель и вышел из зала, а заседание пришлось приостановить.¹⁸

Поведение Г. И. Ненарокова усилило эффект случившегося в Санкт-Петербургском окружном суде. Прокурорский работник сорвал ход судебного следствия, чего ранее никогда не бывало.¹⁹ Действия прокурора либеральная пресса называла «забастовкой», а его уход расценивался как «бегство» и победа женщины-адвоката, которая, наверняка раздражая противников женской адвокатуры, обещала вернуться в суд в качестве поверенного²⁰ и давала интервью.²¹ Сам Г. И. Ненароков признавал, что совершил «известное нарушение процессуальных требований» и ему придется объясняться, притом, как заверял журналистов, на выпады в адрес Е. А. Флейшиц он решился по велению собственной совести.²²

Однако прокурорская акция выглядит задуманной провокацией. На страницах «Речи» можно было прочесть, что накануне судебного заседания петербургская прокуратура собиралась на совещании, по результатам которого Г. И. Ненароков и оказался в суде. Выступление обвинителя не являлось спонтанным, поскольку, как представлялось, например, хроникеру «Биржевых ведомостей», «в своей речи

¹⁴ См.: Сорок второй отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1907–1908 год. М., 1908. С. 6–14; РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 2–6.

¹⁵ См.: Хроника // Право. 1909. 28 июня.

¹⁶ См.: Сорок третий отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1908–1909 год. М., 1909. С. 7–14; Сорок четвертый отчет совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1909–1910 год. М., 1911. С. 6–10.

¹⁷ Сын знаменитого правоведа, сенатора, члена Госсовета Н. С. Таганцева. См.: Верецагин А. Н. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи. М., 2022. С. 543.

¹⁸ См.: Бецкий К. Указ. соч.; Люблинский П. И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. 24 мая.

¹⁹ По крайней мере так считал известный юрист В. Д. Набоков. См.: Набоков В. Д. Может ли женщина вести защиту пред уголовным судом? // Право. 1909. 15 нояб.

²⁰ См.: Женщина-адвокат // Биржевые ведомости. 1909. 8 нояб.; Гольдштейн М. Л. Прокурорская забастовка // Речь. 1909. 9 нояб.; Женщина-адвокат // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1909. 10 нояб.

²¹ См.: У первой женщины-адвоката // Петербургская газета. 1909. 9 нояб.

²² См.: Бецкий К. Указ. соч.

он представил подробный, заранее подготовленный анализ существующих законоположений о правах женщин в суде».²³ Сама Е. А. Флейшиц в воспоминаниях отразила предысторию заседания 6 ноября 1909 г. следующим образом. Незадолго до этой даты министру юстиции И. Г. Щегловитову было донесено о предстоящем выступлении женщины в роли защитника подсудимых, и тот дал указание прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты Г. Г. Чаплинскому ни в коем случае этого не допустить, а выполнить данную директиву вызвался Г. И. Ненароков.²⁴

Мгновенность реакции руководителей российской юстиции на случившееся 6 ноября подтверждала, что события развивались не по их плану, и, разумеется, особенно им не нравилось решение судебной коллегии о допуске Е. А. Флейшиц к защите. Уже в пять часов вечера указанного дня, когда Н. Н. Таганцев председательствовал на другом заседании, ему подали пакет, присланный с нарочным. И. Г. Щегловитов требовал немедленно предоставить копии определения окружного суда по утреннему процессу. Сообщив об этом, «Петербургская газета» добавила комментарий, что, «как говорят, в министерстве высказываются против выступления женщин»,²⁵ и такие разговоры имели основания.

Сфера практического правоведения целиком находилась в руках мужчин, а изменение гендерной структуры занятости в ней грозило серьезными подвижками в гендерном равновесии вообще. Мужское доминирование в социально-политической жизни подвергалось опасности, и через полтора месяца после названного сразу «делом Флейшиц» судебного инцидента И. Г. Щегловитов писал премьер-министру П. А. Столыпину, отговаривая того от мысли запустить процедуру рассмотрения в парламенте законопроекта о допуске россиянок в адвокатуру: «Я не могу не обратить внимания на то весьма, казалось бы, существенное соображение, что законодательное разрешение вопроса о предоставлении лицам женского пола быть присяжными поверенными или вообще поверенными по судебным делам явилось бы предпрещением, по отдельному случаю, об-

щего вопроса о допущении лиц женского пола к общественно-государственной деятельности».²⁶

После 6 ноября о поступке прокурора и женщине-адвокату Е. А. Флейшиц узнала вся страна. Провинциальные газеты обычно перепечатывали из центральной прессы эту сенсационную новость в своих хроникальных рубриках, но при этом иногда местные журналисты самостоятельно анализировали создавшуюся проблему. Так, «Одесский листок» дал достаточно оригинальное толкование логики Г. И. Ненарокова, который, в общем-то искажая один из основополагающих принципов правосудия, утверждал, что, если в законе нет разрешения женщинам выступать в суде защитниками, то закон это запрещает. «Раз в законе нет специального разрешения дышать, то граждане не имеют права дышать. Законом не дается специального разрешения курить, следовательно, граждане не имеют права курить», — подчеркивал абсурдность прокурорской мысли неназванный автор материала в одесском издании.²⁷ Появление в суде женщины-поверенного даже в некоторой степени затмилось выходкой прокурора. О ней писали как о «взбодоражившей общественное мнение до пределов возможного»: «Несколько дней только и было разговоров, что про названный инцидент. Инцидент, действительно, вышедший вон из ряда обыкновенных случаев».²⁸

Приход поверенного женского пола в суд и поведение Г. И. Ненарокова нашли отражение в массовом сознании. К примеру, публиковала материалы о конфликте московская общедоступная многотиражка «Газета-копейка» (тираж достигал 150 тыс. экземпляров), причем его оценку представил сам В. А. Анзимилов.²⁹ Происшедшее глубоко осело в умах подданных, красноречивым свидетельством чего является следующий эпизод. 6 декабря 1909 г. в коммерческом собрании провинциального Томска состоялся маскарад с конкурсом нарядов. Пусть корреспондент местных «Сибирских

²⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 63.

²⁷ Наши дела-делишки // Одесский листок. 1909. 8 нояб.

²⁸ Историческая справка (по поводу судебного инцидента) // Сибирская жизнь. 1909. 27 нояб.

²⁹ См.: Петербург (по телефону от собственного корреспондента). Первое выступление женщины-адвоката // Газета-копейка (московское издание). 1909. 7 нояб.; Анзимилов В. А. Еще одно женское завоевание... // Газета-копейка (московское издание). 1909. 8 нояб. В. А. Анзимилов — известный журналист и литературно-общественный деятель, издатель и редактор журналов и газет, в т. ч. входивших в семейство дешевых и доступных для населения «копеек», аудиторией которых являлся массовый читатель. См.: Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. М., 1989. С. 74–75.

²³ Бецкий К. Указ. соч.; Энгел К. Первое выступление женщины-адвоката.

²⁴ См.: Флейшиц Е. А. Из прошлого // Советская юстиция. 1958. № 3. С. 28.

²⁵ Неудача женщины в роли адвоката // Петербургская газета. 1909. 7 нояб.

отголосков» отзывался о нем как о совершенно неудавшемся мероприятии, но при этом он отметил: «Только один костюм выделился своей сравнительной оригинальностью. Это был костюм “Фемида”. Сюжет костюма — протест прокурора против допущения женщины-адвоката в русский суд».³⁰

Известность «дело Флейшиц» приобрело благодаря еще и антисемитскому контексту. «Первой “русской” адвокаткой Израиля явилась дочь!» — возмущалась право-монархическая «Земщина». Правая националистическая пресса критиковала либеральную периодическую печать за ее симпатии к женщине-адвокату из евреев, обвиняла судебную коллегия во главе с Н. Н. Таганцевым в глумлении над российскими законами и восхваляла действия Г. И. Ненарокова. Особенно отмечались происки иудеев, якобы пытавшихся делегированием «жидовки-адвоката» в русский суд проложить путь к «покорению жидами всего мира»; но благодаря энергичности прокурора, искренне радовался корреспондент «Вече», эта «жидовская идея сорвалась» и «первый блин вышел комом».³¹

Вполне ожидаемой являлась реакция феминистских сил на появление россиянки на судебном заседании. Члены петербургского клуба Женской прогрессивной партии (ЖПП) поддерживали Е. А. Флейшиц, выразив глубокую признательность составу Санкт-Петербургского окружного суда и лично адвокату М. К. Адамову, 6 ноября прямо на месте происшествия публично осудившему выходку прокурора.³² Скандал для возглавляемой врачом М. И. Покровской ЖПП имел принципиальный характер. В программе партии содержался специальный пункт об юстиции и представительстве в ней женщин: «Суд должен быть свободен от каких бы то ни было воздействий и руководствоваться исключительно только законом. Он должен быть общим для всех граждан, правым, скорым и милостивым. В состав суда должны войти женщины в качестве судей, адвокатов и присяжных заседателей. Они имеют право занимать все судебные должности... Существующие законы, уголовные и гражданские, должны быть пересмотрены при участии женщин».³³

³⁰ Томская хроника // Сибирские отголоски. 1909. 8 дек.

³¹ Скандал в окружном суде // Земщина. 1909. 7 нояб.; Николай-ов. Первый блин комом // Вече. 1909. 10 нояб.; Шпилька. Первая «русская адвокатесса» // Земщина. 1909. 13 нояб.; Иудейско-«прогрессивная» печать. Требование возмездия // Земщина. 1909. 14 нояб.

³² См.: Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. 1909. 8 нояб.

³³ Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений о российских политических парти-

М. И. Покровская являлась редактором-издателем «Женского вестника» и на страницах этого журнала высказала мнение о случившемся. Она усматривала в поступке Г. И. Ненарокова зерна гнусностей и предубеждений, вообще господствовавших по отношению к женщинам и культивировавшихся «темными силами», не сомневаясь, что такие предрассудки вскоре будут преодолены, а адвокатская профессия станет доступной россиянкам, подобно тому, как это когда-то произошло в медицине.³⁴ Феминистский «Союз женщин» опубликовал подробный отчет о прокурорских инсинуациях в суде, не оставив без внимания доводы Е. А. Флейшиц в защиту своего права выступать защитником подсудимых.³⁵

За разбор эпизода 6 ноября взялись юристы и юридическая пресса. В газете «Право» В. Д. Набоков представил глубокий анализ сложившейся ситуации. Называя Г. И. Ненарокова «отныне знаменитым», правовед давал оценку его протесту как «абсолютно не предусмотренному Судебными уставами и составившему нарушение обязанностей, возложенных на прокуратуру, и прав, ей предоставленных». Безотносительно аргументов прокурора рассматривалась история вопроса о женской адвокатуре в России, и прежние взгляды на него, продиктованные дискриминационными по отношению к россиянкам воззрениями на гендерное равновесие в социуме, признавались «близоруко наивными и ограниченными».³⁶ 16 ноября 1909 г. в журнале «Вестник права и нотариата» увидела свет крупная статья М. М. Гиришман, в которой подчеркивалась значимость инцидента с участием Е. А. Флейшиц: в этот момент впервые поднимался вопрос о праве женщин выступать защитниками в уголовном процессе.³⁷

Разумеется, высказали свое мнение о россиянках в адвокатуре поверенные мужского пола. Патрон Е. А. Флейшиц присяжный поверенный М. Л. Гольдштейн после протеста Г. И. Ненарокова как представителя государственной власти раскритиковал «государственность», которая устранила женщину в качестве защитника в судебном разбирательстве, тем самым

ях, всероссийских профессионально-политических и профессиональных союзах и всероссийских лигах. СПб., 1906. С. 138.

³⁴ См.: Покровская М. И. Предрассудки в суде // Женский вестник. 1909. № 12. С. 261–263.

³⁵ См.: Федорович Н. Борьба за право // Союз женщин. 1909. № 11. С. 1–8.

³⁶ Набоков В. Д. Может ли женщина вести защиту пред уголовным судом?

³⁷ См.: Гиришман М. М. О праве женщин быть адвокатами // Вестник права и нотариата. 1909. № 29. С. 4–16.

навязывая в качестве такового исключительно мужчину. Один из авторитетнейших российских адвокатов и многолетний член столичного совета присяжных поверенных Н. П. Карабчевский³⁸ дал «Петербургской газете» интервью, выразив общее мнение мужской адвокатуры обращенным к женщинам-адвокатам «милости просим»!³⁹

Таким образом, в дни после процесса о краже миллиардных шаров любой грамотный и интересовавшийся социально-политической жизнью страны российский подданный имел возможность узнать об инциденте, получив информацию из изданий самого разнообразного толка. Скандальность и сенсационность происшествия в Санкт-Петербургском окружном суде, обострившего противостояние непримиримых сил и вновь поставившего вопросы, на которые требовала ответить современность, порождали сильнейший общественный резонанс и желание разобраться, а мнение судей, высказанное в гласном судебном заседании, не оставляло властям шанса отмолчаться. «Вопрос этот принципиально может быть разрешен или в законодательном порядке, или путем сенатского разъяснения. До тех пор даже отдельные случаи допущения женщин к защите принципиального значения иметь не могут», — констатировали «Биржевые ведомости» по следам событий 6 ноября 1909 г.⁴⁰

Сенат, по словам М. И. Покровской, «с невероятной быстротой для этого медлительно-го учреждения вынес свое решение».⁴¹ 13 ноября 1909 г. распорядительное заседание соединенного присутствия первого и кассационного департаментов высшей судебной инстанции империи по «делу Флейшиц» закончилось постановлением об отмене определения Санкт-Петербургского окружного суда по XI отделению.⁴² Современный исследователь А. Н. Верещагин относит этот акт к «наиболее сенсационным среди сенаторских разъяснений того времени»,⁴³ и, похоже, он готовился с опасением вызвать осуждение общественности. Заслушивался рапорт И. Г. Щегловитова и проводились прения в строжайшей тайне, однако

в прессу просочились сведения, что сенаторы, выступив против женской адвокатуры, тем не менее настаивали на необходимости задуматься о соответствующем законе.⁴⁴

Состоявшееся запретительное сенатское заключение представлялось некоторым правоведам «явной ошибкой»,⁴⁵ казалось ретроградным и не учитывавшим существующее положение вещей. Уже через три дня 100 членов Государственной думы инициировали законодательное предположение «О предоставлении лицам женского пола права быть присяжными заседателями». Указывалось, что Судебные уставы 1864 г. не запрещали россиянкам представительства сторон в суде, а между тем в начале XX в. «общественное сознание пришло к естественному признанию за женщинами гражданских прав»: «Идея женского равноправия не представляется стоящей в непримиримом противоречии с культурным уровнем общественной мысли. Правильная оценка интересов государства, доводы логического и нравственного порядка не дают оправдания ограничительному пониманию вопроса о правах женщины на государственное и общественное служение и опровергаются самой жизнью. Женщина, наравне с мужчиной, уже пользуется правами на высшее образование, в том числе и на юридическое, и с честью несет обязанности гражданина в наиболее почетных областях общественной работы, как, например, в деле врачебной помощи».⁴⁶

Законопроект был инициирован конституционными демократами, в том числе главой партии П. Н. Милюковым, и с самого начала представлялся продуктом оппозиции, что в политических реалиях момента не предвещало ему легкой судьбы. Автором законодательного предположения являлся кадет Ф. И. Родичев,⁴⁷ в карьерной траектории которого значилась работа мировым судьей и присяжным поверенным.⁴⁸ Депутат-юрист считал главной задачей оппозиционных сил в Госдуме борьбу за законность,⁴⁹ а препятствия женщинам заниматься адвокатской деятельностью называл

³⁸ См.: Справочный указатель по программе издания истории русской адвокатуры (материалы совета присяжных поверенных округа Петроградской судебной палаты). Пг., 1914. С. 97–100.

³⁹ Гольдштейн М. Л. Указ. соч.; Н. П. Карабчевский о женщинах в адвокатуре // Петербургская газета. 1909. 9 нояб.

⁴⁰ Женщина-адвокат // Биржевые ведомости. 1909. 8 нояб.

⁴¹ Покровская М. И. Указ. соч. С. 262.

⁴² См.: Циркулярные распоряжения по Министерству юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 45–48.

⁴³ Верещагин А. Н. Кассационный Сенат (1866–1917). С. 285.

⁴⁴ См.: Флейшиц Е. А. Из прошлого. С. 28; Дело Флейшиц в Сенате // Биржевые ведомости. 1909. 13 нояб.; Хроника // Право. 1909. 21 нояб.

⁴⁵ Шелухин С. Имеют ли женщины право выступать в качестве защитников? // Право. 1909. 13 дек.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 115. Л. 2–20б.

⁴⁷ См.: Ruthchild R. G. Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917. Pittsburgh, 2010. P. 163.

⁴⁸ См.: Члены Государственной думы (портреты и биографии). Второй созыв. 1907–1912 гг. М., 1907. С. 355.

⁴⁹ См.: Представители первых двух Дум о третьей // Биржевые ведомости. 1907. 26 окт.

«ни с чем несообразным запретом».⁵⁰ Но напор сторонников женской адвокатуры, вероятно, пока не обрел достаточной силы, а для правительства решение в пользу россиянок было принципиально неприемлемым. В результате представленных И. Г. Щегловитовым П. А. Столыпину доводов о «несвоевременности» законодательного обсуждения допуска россиянок в адвокатскую профессию хватило, чтобы совет министров на заседании 19 января 1910 г. с ними согласился.⁵¹

Тем не менее, несмотря на препоны со стороны правительства и созданные этим проволочки, законопроект о женщинах-адвокатах в конце концов был рассмотрен парламентом. Саму по себе не слишком убедительную аргументацию Министерства юстиции еще более сомнительной делало развитие стремительно менявшейся ситуации. И. Г. Щегловитов в декабре 1909 г. говорил лишь о 14 россиянках, окончивших юридические факультеты университетов, чем старался подчеркнуть незначительность проблемы, но за последующие два года к ним прибавилась еще 51 дипломированная юристка; также министр утверждал, что лицам женского пола в России впредь будет затруднительно получать высшее образование, однако закон от 19 декабря 1911 г. допустил их к экзаменам в университетах.⁵²

Женщины-юристы и им сочувствовавшие продолжили разогреть общественное мнение и пытались воздействовать на политиков. В 1910 г. два январских выпуска газеты «Право» опубликовали большую статью Е. А. Флейшиц, посвященную истории и настоящему положению женской адвокатуры в России и мире. Читающая юридическую прессу публика теперь могла узнать о женщинах, занимавшихся адвокатской деятельностью со времен Древнего Рима; во многих современных странах, от североамериканских Канады и Мексики до азиатских Индии и Японии, в европейских Франции, Ирландии и даже российской Финляндии такая практика применялась и доказывала состоятельность, а количество женщин-адвокатов в США уже превысило тысячу. В конце статьи выражалась надежда, что после принятия в Государственной думе соответствующего закона двери адвокатуры откроются для россиянок.⁵³

⁵⁰ Женщины-адвокаты накануне торжества // Петербургская газета. 1911. 11 нояб.

⁵¹ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 190. Л. 77.

⁵² См.: Там же. Л. 62–63; Крестьянников Е. А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 69.

⁵³ См.: Флейшиц Е. А. О женской адвокатуре // Право. 1910. 10 янв.; 17 янв.

Не давали забыть о законопроекте феминистские организации. Крупнейшая из них — Российская лига равноправия женщин, чтобы не позволить исключить из повестки парламента вопрос о лицах женского пола в адвокатской профессии, 1 мая 1911 г. обратилась к членам думской комиссии судебных реформ с напоминанием об этом важном деле. Через семь месяцев, уже в преддверии намечавшегося рассмотрения в Государственной думе законодательного предположения о женской адвокатуре, данное обращение адресовалось трем сотням депутатов, и кроме прочих такое воззвание за подписью председателя лиги П. Н. Шишкиной-Явейн получил П. Н. Милюков, на поддержку которого, как лидера отзывчивой на проблемы женщин партии, видимо, феминистки сильно рассчитывали.⁵⁴

Власти просто не замечать проблему, ограничившись сенатским постановлением по «делу Флейшиц», как это, наверное, хотел сделать И. Г. Щегловитов, уже не могли. Сенат отреагировал лишь на случай, касавшийся выступления женщины-адвоката в окружном суде и в уголовном процессе, а сам факт приема россиянки в состав адвокатуры петербургским советом присяжных поверенных остался без оценки, и только 5 декабря 1909 г. Общее собрание департаментов Санкт-Петербургской судебной палаты после рассмотрения протеста прокурора этой же палаты признало то зачисление незаконным и предписало его отменить.⁵⁵ Неопределенность дополнительно разрешалась сенатским постановлением от 30 сентября 1910 г. относительно дела Е. А. Гинзбург, пытавшейся стать адвокатом в Киеве. Сенаторы признали, что лица женского пола, даже окончившие юридические факультеты университетов, не имели по закону права на «вступление в сословие присяжных поверенных и принятие звания присяжного поверенного и помощника присяжного поверенного».⁵⁶

Однако прямо говоривший о таком запрете закон отсутствовал, что порождало возможность

⁵⁴ См.: Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 367; Отчет о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 год. СПб., 1912. С. 14; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2448. Л. 1.

⁵⁵ См.: Отчет совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате за сорок четвертый год. С 1 марта 1909 г. по 1 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 12–13; Хроника // Женский вестник. 1910. № 1. С. 26, 27.

⁵⁶ Сборник определений Соединенного присутствия Общего собрания Первого и Кассационных департаментов (1902–1912 гг.) и Высшего дисциплинарного присутствия (1885–1912 гг.) Правительствующего Сената по надзору за судебными установлениями. СПб., 1913. С. 143, 144.

разнообразных трактовок. 20 ноября 1910 г. совет присяжных поверенных в Одессе принял в адвокатуру А. Г. Ярошевскую, но местная судебная палата по протесту прокурора, убеждавшего, что разъяснение Сената относительно Е. А. Флейшиц не позволяло принимать женщин в адвокатуру, наложила вето на решение совета.⁵⁷ В общем, судебными властями делалось то, о чем писала в ноябре 1909 г. М. М. Гиршман: «...в существующих законах нарочито выискивались несуществующие запрещения для зачисления женщин помощниками присяжных поверенных».⁵⁸ Случай А. Г. Ярошевской снова указал на необходимость законодательного разрешения вопроса и стал для прессы информационным поводом рассказать стране о появлении в России еще одной женщины-адвоката, которой власти отказали в профессиональной деятельности на малопонятных основаниях.⁵⁹

Только спустя два года после участия в судебном процессе Е. А. Флейшиц, сенатского определения по этому поводу и внесения законопроекта о женской адвокатуре в парламент дело сдвинулось с мертвой точки. 10 ноября 1911 г. в судебной комиссии Государственной думы был заслушан доклад кадета К. К. Черносвитова и было сделано заключение, «что едва ли имеются какие-либо основания лишить лиц женского пола, надлежащим образом подготовленных, к несению обязанностей по представительству интересов сторон в суде, прав вступления в корпорации присяжных и частных поверенных».⁶⁰ После заседания П. Герасимов на страницах «Биржевых ведомостей» рассказывал о слабости позиций немногочисленных противников законопроекта в комиссии, которые уклонились не только от спора, но даже от голосования, и объяснял это «силой

популярности идеи, от которой раньше легко было пренебрежительно отмахнуться». Шаги же к такой победе общественного мнения и здравого смысла депутат отсчитывал от инцидента 6 ноября 1909 г. в Санкт-Петербургском окружном суде.⁶¹

Думский истеблишмент мгновенно пришел в движение. «Петербургская газета» оперативно опросила наиболее влиятельных депутатов от разных фракций, выяснив, что голосовать за допуск женщин в адвокатуру были готовы даже те, кого считали близкими к монархии, но, главное, теперь никто не оставался безразличным к обсуждаемому вопросу.⁶² В мае 1912 г. Государственная дума поддержала соответствующий законопроект, однако в январе 1913 г. под нажимом правительства и очарованием красноречия И. Г. Щегловитова Государственный совет, являвшийся противовесом либеральным порывам нижней палаты парламента, его заблокировал.⁶³

Публичное заседание 6 ноября 1909 г. в Санкт-Петербургском окружном суде вызвало конфликт заинтересованных кругов и их недовольство: правительства — решением судебной коллегии, юристов — поведением прокурора и нарушением законности, феминисток — ущемлением прав лиц женского пола на адвокатскую профессию, политиков правого фланга — национальностью защитницы подсудимых. Новость была сенсационной, в связи с чем широко освещалась прессой, благодаря которой сначала подданные информировались о существовании женской адвокатуры, а затем периодическая печать поддерживала их внимание к развитию проблемы. В результате сформировалось неравнодушное общественное мнение, позволившее довести поставленный «делом Флейшиц» вопрос до обсуждения в залах парламента.

Evgenii A. Krestiannikov

Doctor of Historical Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow)

E-mail: *krest_e_a@mail.ru*

⁵⁷ См.: Шестой отчет совета присяжных поверенных округа Одесской судебной палаты за 1910 год. Одесса, 1911. С. 13–17.

⁵⁸ Гиршман М. М. О праве женщин быть адвокатами. С. 11.

⁵⁹ См., напр.: Женщина-адвокат (по телеграфу от нашего корреспондента) // Русское слово. 1910. 3 дек.; Женщина-адвокат // Голос Москвы. 1910. 23 ноября; Женщина-адвокат // Красноярская мысль. 1910. 1 дек.; Хроника // Женский вестник. 1911. № 1. С. 30.

⁶⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 115. Л. 33–34.

⁶¹ См.: Герасимов П. Допущение женщин в адвокатуру // Биржевые ведомости (утренний выпуск) // 1911. 12 нояб.

⁶² См.: Женщины-адвокаты накануне торжества.

⁶³ См.: Krest'iannikov E. A. Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи. Р. 631–634.

PARTICIPATION OF A WOMAN LAWYER E. A. FLEISCHITZ IN THE COURT SESSION ON NOVEMBER 6, 1909 AND THE PUBLIC SPHERE

At the beginning of the 20th century, Russian universities opened their doors to Russian women. Higher legal education was also becoming available, which, in accordance with the norms of the 1864 Judicial Statutes, allowed for practicing law. However, the first Russian women who tried to join the ranks of attorneys in the prescribed manner met insurmountable obstacles from the authorities, who feared that the development of the profession of a lawyer by women would lead to an increased role in socio-political life. E. A. Fleishits became the first lawyer in Russia who, on legitimate grounds, came to court to defend the defendants, was supported by the judges, but not by the prosecutor, who caused a scandal and disrupted the meeting. The article is devoted to the circumstances of this case and the subsequent socio-political escalation. Metropolitan and provincial periodicals of various trends presented the news about the failed trial as sensational. The participation of a female lawyer in the St. Petersburg District Court session on November 6, 1909, as well as the conflict that arose between her and the prosecutor, were subject to careful analysis in the press, causing a strong public outcry. The Senate, forced to intervene quickly, banned Russian women from acting as lawyers in criminal cases. But the State Duma deputies gave the issue a legislative direction, and despite the government's resistance, under pressure from public opinion, the bill on women's advocacy in 1912–1913 was considered in Parliament.

Keywords: *women's advocacy, E. A. Fleishits, judicial process, press, public opinion, government, legislation, late Russian Empire*

REFERENCES

- Brodsky I. L. [The Case of Stolen Billiard Balls. On the Anniversary of E. A. Fleishits]. *Advokat* [Advocate], 2008, no. 1, pp. 69–72. (in Russ.).
- Habermas J. *Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery. Issledovaniye otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' mir Publ., 2017. (in Russ.).
- Kazantsev S. M. [Russian Advocacy and Women]. *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 1985, no. 6, pp. 72–77. (in Russ.).
- Krestiannikov E. A. [Women Lawyers of the Russian Empire on the Eve and during the First World War]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2023, no. 2 (79), pp. 68–76. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-68-76 (in Russ.).
- Krestiannikov E. A. [The Political Context of Women's Legal Practice in the Late Russian Empire]. *Cahiers du Monde Russe*, 2023, vol. 64, no. 3–4, pp. 619–644. DOI: 10.4000/monderusse.14114 (in Russ.).
- Polyanskaya G. N. [The Beginning of Life]. *Fleyshits E. A. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu* [Fleishits E. A. Selected Works on Civil Law]. Moscow: Statut Publ., 2015, vol. 2, pp. 5–34. (in Russ.).
- Reshetnikov G. L. [The Question About "Women's Advocacy" in the Pre-Revolutionary Russia]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2012, no. 1, pp. 179–186. (in Russ.).
- Russkiye pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1989. (in Russ.).
- Ruthchild R. G. *Equality and Revolution: Women's Rights in the Russian Empire, 1905–1917*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010. (in English).
- Vereshchagin A. N. *Kassatsionnyy Senat (1866–1917). Ocherki ustroystva i deyatel'nosti verkhovnogo suda Rossiyskoy Imperii* [The Cassation Senate (1866–1917). Essays on the Structure and Activities of the Supreme Court of the Russian Empire]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa Zakon Publ., 2022 (in Russ.).
- Voroshilova S. V. [The Formation of Women's Advocacy in Russia]. *Novaya pravovaya mysl'* [New Legal Conception], 2007, no. 1, pp. 54–58. (in Russ.).
- Yukina I. I. *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. Saint Petersburg: Aletyya Publ., 2007. (in Russ.).

Для цитирования: Крестьянников Е. А. Участие женщины-адвоката Е. А. Флейшиц в судебном заседании 6 ноября 1909 г. и публичная сфера // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-72-80.

For citation: Krestiannikov E. A. Participation of a Woman Lawyer E. A. Fleischitz in the Court Session on November 6, 1909 and the Public Sphere // Ural Historical Journal, 2025, no. 2 (87), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-2(87)-72-80.